

18+

Алексей Болотников

Избранное

*Стихотворения.
Поэмы*

Алексей Болотников

Избранное.

Стихотворения. Поэмы

<https://litres.ru/74154807>

ISBN 9785007022200

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В «Избранное» собраны стихотворения и поэмы автора, отражающие ключевые этапы творческого пути. Спектр тем: от философских размышлений до пронзительных лирических откровений о любви и судьбе. Яркая образность, богатство языка и глубина чувств делают стихотворения уникальным художественным опытом. Автор обращается к вечным вопросам, к диалогу о времени, памяти и душе. Книга станет настоящим открытием как для давних поклонников, так и для тех, кто только начинает знакомство с наследием поэта.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ИЗБРАННОЕ. Стихотворения. Поэмы	5
Флюиды поэтические	5
Флюиды деревенския	14
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Избранное Стихотворения. Поэмы

Алексей Болотников

Дизайнер обложки Виталий Алексеевич Беспрозванный

© Алексей Болотников, 2026

© Виталий Алексеевич Беспрозванный, дизайн обложки,
2026

ISBN 978-5-0070-2220-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИЗБРАННОЕ.

Стихотворения. Поэмы

Флюиды поэтические

Стихи — коробочки со спичками.
Строка суть — тлеющий запал...
Жужжат, пожарами напичканы
— Бризанты, тол иль аммонал... —
Они, стихи мои горючие,
Пером ли вкраплены в строфу,
Щипцами ли в катрены вкручены, —
Написаны как на духу.
Одни — тягучие, как патока,
Как мёд — змеятся и горчат.
Другие вылиты из пластика,
Блестят строкой да не звучат.
И всё ж они костры стихийные,
И всё ж пожары дум моих!
Лежат (не строфами — махинами!)
В коробках спичечных стихи.

Молитва

Господи, благоволи писать

Чистые, изящные глаголы...

Благоволи посмешищем не стать,

Чтоб не распяли:

— А поэт-то голый.

«Чувства не обнажены в стихах!..» —

...Ах, пишу запальчиво, не мысля...

Но мыслить в стаде, вторя пастухам,

Не Богом, извини, поэт немислим.

Благоволи подняться до Тебя,

До Твоего высокого порога...

Шепни мне слово... Пастыря любя,

Благоволи записывать... от Бога!

Куда пойти, куда податься? —

В эпоху смутных перемен

Задумываюсь принцем Датским,

А — бич. И бывший джентльмен,

Уволенный по воле рока

Без рук, без ног, без головы.

Одно достоинство — морока

Писать стихи. Да не новы,

Не в конъюнктуре

Способности судить отлично

От других. Судить де-юре,
Живя де-факто без наличных.
Авось, податься в петухи?
Попробовать сойти с ума
И бред свой выплавить в стихи,
Как лом цветной — в колокола?..
И зазвенеть, закукарекать
За право вышвырнутых в мир —
Бесплатно, льготно, как калеки —
Ходить в общественный сортир?..
А может... может, все-таки
Трудоустроиться законно
В дежурные снеговики?!
И морковь грызть до заговенья?
А может быть,
Отдаться чувству,
Как вспыльчивые господа —
Служить великому искусству:
Быть простофилей... хоть куда?
Куда пойти? Куда податься?

Я поеду в Ярославль
Не за прозой, но за славой.
В Ярославль я влеком
Разнотравным молоком.
И поеду — как ни странно —
За насущным, легендарным,

От породистой коровы.
Знать, напоят Ярославны.
Достославны Ярославны!
В Ярославль я влеком
Не единым молоком —
Есть и сахарные планы!
Я поеду в Ярославль
Восхищаться не коровой.
Говорят, там Ярославны
Суть помечены короной!
Я наивный, в сказки верю.
А поеду и проверю.
Вот... Я по столу стучу.
Ярославну я хочу!
Увезу её с собою
Прямо с паперти собора.
Пусть любитесь родня,
Собираясь у плетня.
Белолица Ярославна,
С русой длинною косою,
Русской грустью осиянна
И естественной красою.
В общем, решено, за славой,
Как варяги в прошлый век,
Я поеду в Ярославль
После дождичка в четверг.

Обучен игракам и иксам,
Я уезжал за интегралом.
Багрянцем лето догорало,
Березник с листопадом свылся.
И бор сосновый на опушке
Простился обреченным взглядом.
Вот скрылись из вида избушки,
Дымы... глаза застили ядом.
Вот дымка над селом взвилась.
Село предстало деревенькой.
И тракта тоненькая венка
Оборвалась...
Все стало — будущим и прошлым.
Как сноп, отсеченный серпом,
Все прошлое — чертополохом,
Все будущее...
Но о том
Молва — седая борода.
Я уезжал за интегралом
В докучливые города.
В деревне солнце догорало.

Я — подмастерье,
Ремесла заика.
Во рту горчит
Негодование крика.
Недомоганья мочи

И таланта
Коптят средь ночи,
Словно в полдень лампа.
Я — подмастерье,
Светотень искусства.
Оттеняю бликами безумства
Аз глупых фраз бессмысленных
Юрода
От гениального
Безмолвия
Народа.

Денисы, Глебы, Германы... тут пишут.
Я не пишу, не пишется, увы.
Сижу в чалме, как бог —
Индийский Кришна...
Проблема, блин: расстройство головы.
Расстроилась, наверно, из-за Геры.
Он жуть сказал: «Я истину нашел!»
И к Герману отсюда нет уж веры.
Пошел ты, Гера, на... куда ты шел.
Возможно из-за Глеба
Взрыв мигрени.
Он написал мне в блоге: «Идиот?»
И все из-за какой-то благохрени,
Которую я лайкнул: «глебажжот».
И вот уж точно не из-за Дениса

Трещит моя больная голова.
Он отбыл в Киев
Праху поклониться
Какого-то Мыколы-сотника...

Я, как и вы, сижу по вечерам
В своей библиотечно-домной зале.
И «вчикиваю» в word из-под пера
Цитаты для «Тесинской пасторали».

Теперь мы ждем осымнадцатого года
И с ним — очередной Армаггедон.
Такие мы! (В семье не без урода.
У нас — не голова. У нас — дум дом.)
Наверно, встанут мертвые из гроба.
(Как вариант: совсем наоборот).
И — счастье православного народа,
Спаситель-бог — нас примет у ворот.
И нам отдаст... долги. И наставленья.
Сочтя грехи, по группам разберет.
Мы за дверями испытаем тленья...
(Как вариант: совсем наоборот).
Земля сойдет с орбиты восвояси,
Полярная Звезда сойдется с Марсом.
Грядут по всей Вселенной катавасии,
О, Хаос будет!..

*Хаос бы удался,
Когда бы свечка в плошке не погасла,
А на орбите — бледная Луна,
Когда корабль бы не сбился с галса,
А стихоплет с ума не сбился б на...

Мои друзья меня переживают.
Я умираю, к своему стыду.
То ли попойки со света сживают,
То ль новые попойки не блюду.
Друзья уходят день-деньской с поминок,
Как шаркуны с шикарных именин.
Я умираю пеплом из камина,
Я каменею. Стыну я. Аминь...
Пульсирует в ушах живучий хохот.
И гвалт грызет объедки со стола.
Скрипит в кровати спившаяся похоть
И стонет, стихнет и... и — умерла.
...Забрезжит утро. Тени оживают.
Сомнамбулами сонными с ранья
Друзья мои меня переживают.
Переживут! И снова ждут меня.

...Пустой телеэкран — как
Космос Крайний.

Глазница ночи.
Погасли свечи в этом храме:
Борису... Анне... прочим.
Как сноб российский,
Возложу жасмины
Поэтам русским
И, щелкнув тумблером,
Уйду за ними.
По-английски.

Флюиды деревенския

По Теси бродил теленок.
Не единственный в селе,
Кучерявый, как Пеле,
Рыжий! Будто бы паленый
И всегда навеселе.
Бык! запомнился навечно
Редким добродушным нравом.
Безмятежный, как овечка.
А буянил — ради славы —
И беззлобно, и беспечно.
Ради славы — пес облает.
И индюк, побагровев,
Словно разом овдовев,
На прохожих вдруг, бывает,
Свой обрушивает гнев.
Или важный гусь, крылами
Ощетинившись коварно,
Надуваясь самоваром,
С шипом кинется за вами
И... назад, как шланг с пожара.

Тары-бары-растабары...
По Теси бродили пары
И полночные Стожары
За околицей их ждали.

По Теси блудили парни
Мимо кузницы и почты,
В поисках любовной почвы
Обмочив углы амбара.
Парни Болкины, лихие,
С тыквой в полночи торчали.
Звезды падали стихийно.
В клубе шло кино о Чарли.
По Теси бродил Натыра
Санька, с фермы старожил.
Узкоглазый сын батыра,
Сельских девок сторожил.
Савин младший, старший Савин
(по прозвищу «Бандит») —
Тоже с ферменных окраин,
Как с космических орбит.
— Савин Ленька?
— Ленька Савин!
Леонид Георгиич...
— Эка личность! Парень славный
В череде тесинских лиц.
Даниленко, чижик-пыжик,
Разрешавший все с плеча.
Зайцев... тот, который выше,
Морда просит кирпича.
Где вы, парни золотые?
Где те годы молодые,
Ночи, дни и вечера,
Отшумевшие вчера?

Где курчавый тот теленок?
Где вы, нежности телячьи?!
А друзья мои с пеленок,
Что ж, старее старой клячи?
Ах, о чем, о чем печали...
Что печалиться, друзья!
Кончилось кино о Чарли.
Брезжит новая заря.

«...Вечор, ты помнишь»... Чудны строки!
Их русский стиль и русский лад.
Авроры образ волоокий
И карт пасьянсовый расклад,
Шумок — застольный и пристойный —
Беседы, чуждающейся мне.
Гул томный, праздничный, престольный...
Обряд гаданья при луне.
А вьюга!..
Вьюжится и ныне.
И женщина глядит в окно
Упрямей тем, чем заунывной
Мужчина пьет свое вино.
И угли меркнут вполнакала
В камина чреве нутряном.
Тепла — ничуть. И счастья мало
В гуденьях вьюги за окном.
...Ах, нынче противопоказан
Порыв влюбляться и парить,
Стихи отечественным азом

И по-французски... говорить,
Блистать, петь, делать реверансы,
А честь — так пулей защищать!
Свои романы и романсы
Любимым дамам посвящать.
Уж говорим не русский — «рашен»,
Не понимаем слова «вящий»...
Увы, не славим день вчерашний
И укоряем настоящий.
Не можем жить без укоризны!
Мы в кровь впитали исстари
Обряд и русский образ жизни
Японским богом материть.
За что мы так «неровно дышим»
Своим отеческим дымам?
«Вечор...» мы помним, но не слышим.
И выюга докучает нам.

Нет здесь координат,
Только сеть переулков и улиц.
Только тын да плетень,
Да скворечник, вознесшийся вверх.
Во дворе — пыль веков.
Тишина. Стрекотание куриц.
За воротами зной
Да лукавый девический смех.
За селом, на задах,

Обнесенных плетеным забором.
Малахит да опал
Зацветающих летом болот.
Во траве-мураве
Мошкара, вопиющая хором.
А на поле — табак.
Он дурманит и кровь нам и плоть.
О, дурман закутков,
Сеновалов и пряных бурьянов!
О. парник и рассадник
Замшелых до слез ностальгий,
Сохраняй нашу Тесь,
Словно выгул для старых баранов.
Сохрани и спаси нас
И жить-выживать помоги...

Приветствую тебя, моё село!
Твой герб теперь — соха и одуванчик.
Мне комом в горле речь мою свело,
Я не могильщик твой и не обманщик.
Я тот же пахарь, тот же земледел,
Каким мой дед в деревне поселился.
Я б твою землю, как и дед мой, ел,
Когда б на урожайный год молился...
Но нет во мне ни веры, ни молитв,
Не верую я в промысел Господен.
Одна лишь страсть мозги мои сверлит:

Когда, когда же буду я свободен?!
От промыслов политиков, воров,
От всех твоих, село, неуправленцев?
Когда они, заглядывая в рот,
Пред хлебным злаком
Подогнут коленце?
В какие веки ценности земли
Оценятся здесь мерой земледельца?
Покров плодоносящий — до золы,
До глины... И куда тут деться?
Приветствую тебя, моё село,
Люблю тебя и заклиная: здравствуй!
К ночи бы дождь...
А утром б рассвело...
А мне на пашню
Нужно подсобаться...

Как живем мы?
Живем — рукава не жуем.
Любим родину честно и строго.
Ненавидим ворье. Об отчизне поем.
И не веруем в господу Бога.
Здесь, в отрогах Саян,
На степных большаках
К честной жизни
До смерти причастен,
Брат наш весел и пьян,
Любит русский размах,
Не устанет гоняться за счастьем.

Брат наш курит и пьет,
Чертыхается в мат,
Прибегает, гневясь, к мордобою.
Он трудяга и мот,
Обнищал до заплат,
Должен — всем...
Рассчитается кровью.
Он в одном лишь слабак:
Не умеет понять —
Кто в отечестве главный на кухне.
На кого всех собак
Всей слободки согнать
И кого мы «подернем и... ухнем!»
Затрещит, как в семнадцатом,
Барский амбар,
Пал уйдет за черту горизонта!
Ох, и выпустим мы
Выпускной этот пар!
Ох, понравится эта работа!

Десятый день зимой знаменовался.
Мороз и солнце изумили свет.
Когда б мог, я б Декабрем назвался!
Декабрь Константинович... Но нет
В душе моей дешевого апломба —
Дразнить людей и забавлять богов! —
Морозный день зимы —
Не место лобно,
Но площадь для отчаянных голов!

Горланят песни головы хмельные,
Мороза просят: «...не морозь меня!»
А за душою есть у них иные
Стенанья: про буланого коня,
Про Стеньку, да про крепкую дубину!..
Когда уже ни петь, ни жить невмочь,
Они, трезвея, прибегают к гимну!..
И — наступает ...солнечная ночь!

Слеза — не бриллиант — роса.
Стекла и не остеклянела.
А боль в груди окаменела,
И помутились небеса.
Слизавши языком слезу,
Язык кусая обожженный,
Зажав зубами звук луженый,
Уже ни слова не скажу

Ты любишь, Таня?

Декабрь... бр-р-р! А я люблю его.
Ты любишь, Таня... снег...
Дорожной бровкой?
Скрип сапогов по снегу?.. Сто богов
Трудились над его аранжировкой!
Над куржаком они не утомились
И каждую иголку — в серебро...
И каждой — блеск!
Как будто бы вломились

В Алмазный фонд и выкрали его.
Ты любишь, Таня, графику стекла?
Глазок, протертый
Пальцем в стеклораме?
Через него, наверно, утекла
Тоска по дому, детству и по маме.
Через него фантазия моя,
Опустошая голову и душу,
Вливалась в беспредельные края
Грядущих лет и в карнавалов гущу!
Декабрь... да... боготворю его.
Ты родилась в великолепном месте
Календаря. Сказал я *сто богов?*..
Сто двадцать два... повеселились вместе!

Тишина...
А в темных высях
Белоснежный зреет бунт.
Боги что-то в зимних мыслях
Озорное берегут.
То ли выюги, то ль метели
Замышляют торжество,
Знать, давно уже хотели
Загулять под Рождество!
Ах, Рождественские грёзы!
Едем в Шошино гулять.
На Танюшкины морозы

Впечатления менять.

Шляюсь по осинникам,
Промышляя вальдшнепа.
Вальдшнепом — не вальдшнепом,
Шляюсь сентябрем.
Плачет птичка пласидой,
Прячется малинником.
Подосиновик скрипит
Скрипом под осинником.
У бродяги бродского
Тень под тело прячется.
Это, стало быть, уже...
Полдник на носу?
Листопадный, падла, тлен
Отпадет и падает,
В мой упаднический дух
Сея декаданс...

Чем мы знамениты?
Отсутствием святости.
Пивнушки у нас алтари.
Дай нам улыбаться
До придурковатости,
Ведь мы же придурки твои.
...О, господи Боже!
Безбожникам, бабникам
Открой же альковы свои
И дай нам — заблудшим,

Блуждающим — банщика.
И бани дотла натопи.
Отпарим, отмоем
До алебаstra
Тела и улыбки свои.
Дай нам улыбаться
До придурковатости.
Ведь мы же придурки твои.

Автопортрет

Вихор зализан.
Бритое лицо.
Глаза по плоске.
Цвет — поддельный палех.
Губа, как лихо,
Эхает в лесу.
Ну, может быть, ещё...
Душа в опале.
Портрет готов.
Есть что-то от совы...
«Сотри случайные черты...» загула
И ты услышишь беспокойство гула
Одной, случайно взятой, головы.
А ниже —
Абсолютно ничего!
Косой сажени,
Царственной осанки...
— В душе ожог иль поцелуй богов?..

— А в душу не моги таращить зенки.

Как же так: не пить с лица?

Лица могут литься,

Словно водка, без конца.

Не с кем похмелиться.

Не с кем церковь посетить,

Некому молиться...

Божий лик мироточит

И в углу святится.

Не с кем батю хоронить.

Некому заплакать.

Даже некого винить

Смертною расплатой.

.....

Не с кем словом поделиться...

Не кем в памятник отлиться...

.....

Не с кем родину покинуть,

Государство развалить.

«Сраму мертвые не имут...»

Мертвым — быть или не быть?

Одиночество — как дуло:

Не с кем пулю разделить!

Говорят, что пуля — дура.

Выстрелить?.. Не выстрелить?..

Нет на тризне очевидца —

Перед Господом явиться...

Ну, посидели пару раз,
Погорячились парой фраз,
Попарились на пару...
Ну, посмотрели порнофильм
Про смоковницу из Афин.
Позарились на пару
Смазливых крепких ягодич.
На торс — от бедер до ресниц —
На фартук и тиару.
Поговорили об ином
О том, о сем. А заодно
Поспорили по факту:
Что содержание без форм —
Не жизнь, а только марафон
И спринт к инфаркту.
Ну, оценили кто и что...
А кто и что?
Да дед Пихто! И Баба-Ёжка...
И кончен бал, как коммунизм.
И разошлись туда, где жизнь
Вопит, как неотложка.

Ищу единоверца.
Толпа... музей... погост...
О, вычисли мне, сердце,

Среди друзей — врагов.
Среди моих собратьев —
Фанатиков идей.
Средь нищих, сирых, знатных —
Людей... людей... людей...
О, сотвори мне чудо:
С восхода на закат,
Пока я жив, потуда —
Искать, искать, искать...

Мне снилась женщина.
От наготы кромешной
Струился свет неведомым сияньем.
А я был царь.
И должен был, конечно,
Владеть национальным достояньем.
Завещано нам царствовать беспечно!..
Тем более — в дремотном состоянии.
А женщина... в сиянье своем вечном
Мне снилась, как...
Крестьянское восстание.

Ах, небеса, чреватые дождями!
Скрипит грибами роженица-плесень.
Рыбак, за лесу пойманный глазами,
Идет-бредет по каменному плёсу.
Ах, время, приключившееся с нами...
Мы в отпуске, на море, черте где...
Приходит ночь и падает под нами

В игре... такой знакомой — чехарде.

— *Как зовут тебя?*

— *Аня*

— *Как мне звать тебя?*

— *Чайка...*

Заблудилась над морем чайка.
Распластав крыла, заскучала.
Волны вспенила и — зачахла,
Удручающе замолчала.
Поплавочек, тугая пробка,
Моря брошенная поверх,
Мы встречались с тобой не часто,
Мимолетным движеньем век.
Баргузин, возмутивший море,
Склонен склонить тебя в пучину,
Склонен плюнуть в меня, мужчину,
Заблудившегося у мола...
Завитушки волны — волнушки...
Блики солнечные — веснушки...
Эй, вы там! Я палю из пушки!
И швыряю горстями двушки...
Эй вы, ветер и клочья пены,
Вам не стыдно игрой в пятнашки
Забавляться над чайкой бедной?
Страшно мне...
Я палю из пушки.

Дверь скрипит: «...Ну, на фига ты
Взад-перед, взад-перед?..»
Пол скрипит и аты-баты
Половицами поет.
Словно перекаатиподем
Я по комнатам блужу.
Я потерян, сломлен, болен...
От себя бегом — бегу.
То запнувшись, то со вздохом,
А то с кухонным ножом —
Не покусанный кабсдохом,
Не ужаленный ужом,
Но бегу-бегу, блуждаю
В параллелях половиц.
Отчего я так страдаю,
Как от ломоты яиц?..
Моя милая эпоха!
Пятый угол средь трущоб,
Мне живется тут не плохо.
И... всё будет хорошо!

...Вот пришкольный амбар,
Где пришкольная мудрая лошадь
Обитает, как призрак
Из шестидесятых годов.
— Но-о, Пегас деревенский! —

Трусит по осенней пороше.
Вдохновению служит
И бздит заготовками дров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.